

А.Н. БИТКЕЕВА***Русское старожильческое население Монголии:
идентичность, язык, культура****

Русские старожилы Монголии — диаспорная группа русских, сформировавшаяся в результате трёх волн миграций в Монголии в середине XIX – начале XX в., определивших неоднородный социальный и этнический состав диаспоры. Учитывая то, что Монголия более двух веков до 1911 г. была включена в китайское цивилизационное пространство, оказавшиеся здесь в середине XIX – начале XX в. русские взаимодействовали не только с монголами, но и с китайцами, которые занимались торговлей, сельским хозяйством и ремесленными промыслами. Этногенез и языковой портрет русских старожилов Монголии включают, помимо монгольского, китайский компонент, что отразилось на их языковой и этнокультурной специфике. Комплексное изучение указанных аспектов выявляет стратегии адаптации диаспоры в иноэтнической среде, что делает возможным представить новый теоретический подход к изучению диаспор, изменения их этнокультурных и этноязыковых установок. Актуальность исследования определяется, прежде всего, малой представленностью материалов по культуре и языку русских старожилов Монголии.

В статье исследуется языковой портрет русского старожильского населения Монголии в тесной связи с рассматриваемыми сюжетами их исторической памяти, анализируются факторы витальности русской диаспоры Монголии, особое внимание обращается на специфику политики памяти этнической группы. Историческая память русских старожилов Монголии интересна как отражение этапов формирования диаспоры, её этнокультурного контекста и самоидентификации, что ярко отражается в нарративах современных русских старожилов Монголии.

В статье представлен материал, полученный в ходе полевого исследования русского старожильского населения Монголии в 2023 и 2024 гг. в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии.

Русские старожилы Монголии конструируют образ диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств оказалось оторвано от своей родины — России, но всё время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Именно ярко выраженный фактор «русскости» в идентичности русских старожилов Монголии определяет их витальность, гомогенность и внутренние связи этнической группы, дающие возможность сохранности и передачи внутрисемейных и общинных традиций.

* **Биткеева Айса Николаевна** — доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

** Статья написана при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)».

Ключевые слова: русское старожильческое население, Монголия, идентичность, русский язык, политика памяти

Русское старожильческое население Монголии — диаспорная группа русских, сформировавшаяся в конце XIX — начале XX в. в Монголии. История русских старожилов Монголии мало изучена сегодня, больше информации мы имеем о ранних этапах её развития — до революционного и постреволюционного периода. Интерес же к этнической группе русских старожилов Монголии существовал всегда; начиная с XIX в. появляются первые сведения о них в небольших статьях и сообщениях путешественников Е.Ф. Тимковского (1820), А.П. Свечникова (1912), И.М. Майского (1921) и др. (см.: [1–3]). Существует ряд тематических конкретных исследований жизнедеятельности русского населения Монголии. Так, исследователи рубежа XX–XXI вв. занимались изучением русско-монгольских дореволюционных связей в торговле — Е.М. Даревская (1994), Н.Е. Единархова (2008, 2015), А.В. Старцев (2003) и др. (см.: [4–7]). В последние годы появились работы о русских в Монголии социоисторического и культурологического плана А.В. Михалёва (2011, 2015 и др.), Д.Б. Сундуевой (2014) и др. (см.: [8–10]).

В истории формирования русского старожильческого населения Монголии можно выделить три основных периода, определивших неоднородный социальный и этнический состав диаспоры. Первые русские поселенцы появились в Монголии после подписания Россией Тяньцзиньского и Пекинского договоров с Китаем в 1858–1861 гг. В числе первых русских переселенцев были алтайские староверы, гонимые на родине за свои религиозные убеждения, и беглые крестьяне, они селились в основном в западных районах

Монголии, в долинах рек Селенги, Онона, Орхона, Тэса. Другой струёй первой русской переселенческой волны, вызванной открывшейся с 1860 г. первой русско-китайской торговлей, были русские купцы, селившиеся, как правило, ближе к торговому пути в Северной Монголии. По свидетельству И.М. Майского, до конца XIX в. число русских торговцев-поселенцев росло медленно и составляло примерно 300–400 чел. [3, с. 87]. В противоположность китайцам русские колонисты из торговой среды устраивались на этой территории основательно, русский торговец заводил целое хозяйство [3, с. 87].

Вторая волна миграции русского населения в Монголию началась в революционные годы и была связана с белогвардейским движением. Несмотря на то, что среди современных представителей русского старожильческого населения Монголии почти нет потомков из числа белогвардейцев, именно этот исторический период стал стигмой группы, негативно сказавшейся на всей истории развития диаспоры. Попытки связать историю русских старожилов Монголии с белым движением и в особенности с атаманом Семёновым обычно встречают резкий отпор у представителей русской диаспоры. Довольно часто они, оспаривая своё прозвище «семёновцы», апеллируют к истории: «здесь семёновцев никогда не было»¹. Третья волна миграции русских с пограничных территорий СССР в Монголию проходила в 1930-е гг. из-за коллективизации и голода; в результате появились русские деревни на реках Еро, Селенга, Онон, Хаара.

На протяжении 1920–1950-х гг. русское старожильческое население Монголии

¹ ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

находилось в относительной культурной и социальной автономии, участвовало в хозяйственно-экономической жизни МНР, не отделяло себя от исторической родины, многие из них воевали на фронтах Великой Отечественной войны¹. После 1957 г. русские старожилы Монголии оказались в определённой идеологической и социальной изоляции: негативное отношение со стороны официальных представителей СССР обусловило к ним и соответствующее отношение со стороны приезжавших в МНР специалистов из СССР, произошла естественная консервация этнокультурных и языковых аспектов; кроме того, сказывалась относительная компактность проживания.

Как отмечают исследователи, в 1960-х гг. стала заметна нелояльность представителей диаспоры советскому государству, «когда в Монголию в массовом порядке стали прибывать советские войска и специалисты для укрепления основ социалистического строя и защиты от “китайских империалистов”. Таким образом, местно-русские попадали в категорию “коренных народов”, не сопричастных сообществу специалистов» [8, с. 183]. Это и определило идеологический дискурс русских старожилов Монголии в недружественном образе.

Семейная память сохранила некоторые подробности того, как русские переселенцы переживали тяжёлые годы и приспосабливались к жизни на новом месте. Одна из таких подробностей, которая роднит семейные нарративы многих русских старожилов Монголии, — это браки русских женщин с китайцами. Занимавшиеся торговлей и земледелием китайцы обеспечивали своим русским жёнам и их детям сытую жизнь². Большая часть русско-китайских семей проживала вблизи Кяхты

и Забайкалья, многие жили в Алтан-Булаке. В 1938 г. по решению монгольского правительства жителей Алтан-Булака, в основном смешанные русско-китайские семьи, переселили вглубь страны в Центральный аймак сомон Жаргалантуй в 120 км к северу от города Улан-Батор для поднятия земледелия [14, с. 64–65]. Некоторые семьи проработали в этом совхозе до конца 1960-х гг. Потребность в получении образования стала причиной переселения большого количества русских старожилов в Улан-Батор, где на тот момент была единственная русская школа.

В 1950–1960 гг. численность русской диаспоры составляла 10 тыс. человек и формировалась из потомков старообрядцев, проживавших в деревнях, из советских граждан русско-китайских семей. В настоящее время численность этнических русских, родившихся и проживших всю жизнь в Монголии, как и их родители, составляет около 1600 человек, согласно переписи населения Монголии 2020 г.³

В советские времена русские старожилы в основном проживали в небольших станционных посёлках вдоль железной дороги «Улан-Батор—Наушки», в Дархане, Сухэ-Баторе, Дзун-Харе и ряде других мелких поселений на севере и северо-западе страны. Сегодня здесь живёт несколько семей русского старожильского населения Монголии. Подавляющее большинство русских старожилов, уже в советское время имевших паспорта граждан СССР, выехали в 1990-е гг. в Россию, многие также оказались в странах Западной Европы, в первую очередь это женщины, которые вышли замуж за специалистов из ГДР и Югославии, работавших в МНР в 1980–1990-е гг.

Сегодня основным местом проживания русского старожильского насе-

¹ ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильского населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

² ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильского населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

³ National Report: 2020 Population and housing census of Mongolia. 2021-02-08 // National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811341> (access date: 05.06.2025).

ния в Монголии является столица страны Улан-Батор, где они проживают компактно в районе Баянзурх (в народе — «Жуковка» по названию находящегося здесь памятника маршалу Г.К. Жукову), который занимает первое место по плотности русского населения. Здесь в восточной части Урги на берегу реки Толы была выбрана земля для строительства русского консульства в 1865 г., здесь проходила основная жизнедеятельность русской колонии. Именно последнее обстоятельство способствует некой культурной автономии русских старожилов Монголии и позволяет им сохранять характерные для них элементы быта и культуры, определённую гомогенность и внутренние связи, дающие возможность беречь и передавать определённые внутрисемейные и общинные традиции.

Методика исследования

Основным материалом получения знаний о языковой и этнокультурной специфике в исследовании были развёрнутые автобиографические нарративы, позволяющие из первых рук фиксировать изменения в языковом дискурсе, например, в отношении родного языка, культуры и т.д. Нарратив понимается нами как реконструкция, целью которой является не демонстрация настоящего положения дел, а воссоздание опыта прошлого с интерпретацией реальности. С одной стороны, нарратив включает план реальных событий, которые можно оценить объективно, с другой стороны, нарратив рассказывается через призму субъективной оценки, а значит, обладает «ландшафтом сознания» [13, с. 689].

При исследовании этничности и идентичности рассматривается политика памяти группы через сюжеты исторической памяти. Этническая идентичность лежит в основе исторической памяти, а идентификация является одной из основных функций коллективной исторической памяти. Манипуляция с исторической памятью в политических целях является одновременно и манипуляцией с групповой идентичностью. На материале интервью рассматриваются

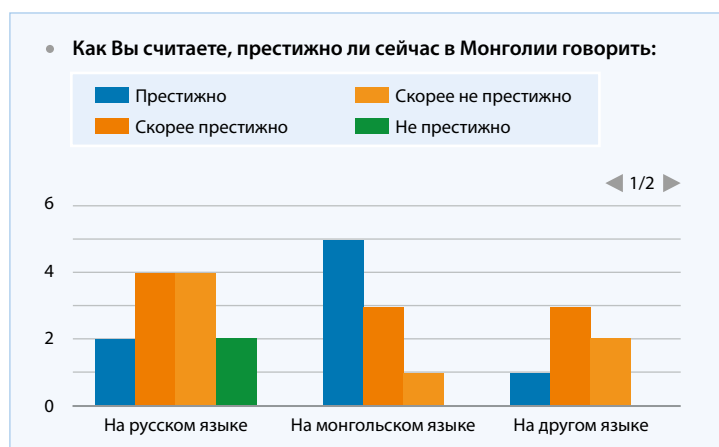
основные сюжеты исторической памяти, темы, к которым обращаются русские старожилы Монголии. Как правило, политизация этнического фактора обусловлена, в первую очередь, длительным недовольством людей своим коллективным статусом: отсутствием равенства в политических правах и экономических возможностях, дискриминацией и др.

Этническая группа выстраивает этнические границы, символические маркеры, которые значимы для группы. Каков символический ресурс этничности у современных русских старожилов Монголии, определилось в ходе социолингвистического анкетирования 2023–2024 гг.

В основе статьи материал, полученный в ходе социолингвистического обследования в 2023 и 2024 гг. русского старожильского населения в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии.

Язык. Этническое многообразие Монголии обусловило функционирование нескольких десятков языков на территории страны. Монгольский язык законодательно закреплён в статусе государственного языка Монголии в «Законе о государственном языке Монголии», впервые принятом в 2003 г. Основной контингент населения страны составляют халха-монголы (81,5%), функциональная дистрибуция монгольского языка значительно шире общественных функций языков этносов, проживающих в Монголии. По числу обслуживаемого населения и выполняемых при этом функций в разных сферах общественной жизни в Монголии можно выделить английский, китайский, корейский, немецкий, русский, французский, японский языки.

До 1990-х гг. роль русского языка в общественной жизни Монголии была довольно высокой. С 1950-х гг. в Монголии началось интенсивное обучение русскому языку в общеобразовательных школах с 5-го класса. В 1953 г. при пединституте, а с 1954 г. в Монгольском государственном университете открылись отделения русского языка, с этого момента расширилось изучение и исследование русского языка в Монголии.

Ил. 1. Престижность владения языками в Монголии

В 1970 г. была организована неправительственная организация «Монгольское общество по поддержке культуры и русского языка» — МОНАПРЯЛ, созданная с целью популяризации русского языка в Монголии, обучения ему монголов, предоставления всесторонней поддержки для распространения русской культуры. До 1990-х гг. русский язык преподавался во многих общеобразовательных школах, техникумах, высших учебных заведениях и университете. После этого периода число молодёжи, изучающей русский язык и литературу, становилось всё меньше, был отменён государственный экзамен по русскому языку. Начиная с 1990-х гг. функциональная востребованность русского языка в Монголии стала уменьшаться.

Русский язык русских старожилов Монголии почти не изучался, его развитие шло параллельно, что и вызывает научный интерес. Конечно, ситуация функционального угасания русского языка в Монголии беспокоит носителей языка. По мнению информантов, среди проблем, с которыми сталкивается русский язык в Монголии, выделяются следующие: сужение среды употребления русского языка (43%), отсутствие языковой среды (36%), отсутствие у русской молодёжи Монголии мотивации говорить на русском языке (37%), молодёжь постепенно переходит на монгольский язык,

происходит сокращение функционирования русского языка в школе (8%), приоритетная роль английского языка в сфере образования и науки (8%), снижение культуры речи на русском языке среди русских старожилов Монголии (9%)¹. Ниже приводятся мнения информантов об уровне престижа владения языками в Монголии (ил. 1).

Как видно, ситуация с русским языком, родным языком русских старожилов Монголии, вызывает тревогу. По оценке 36% информантов, родной русский язык сохранит-

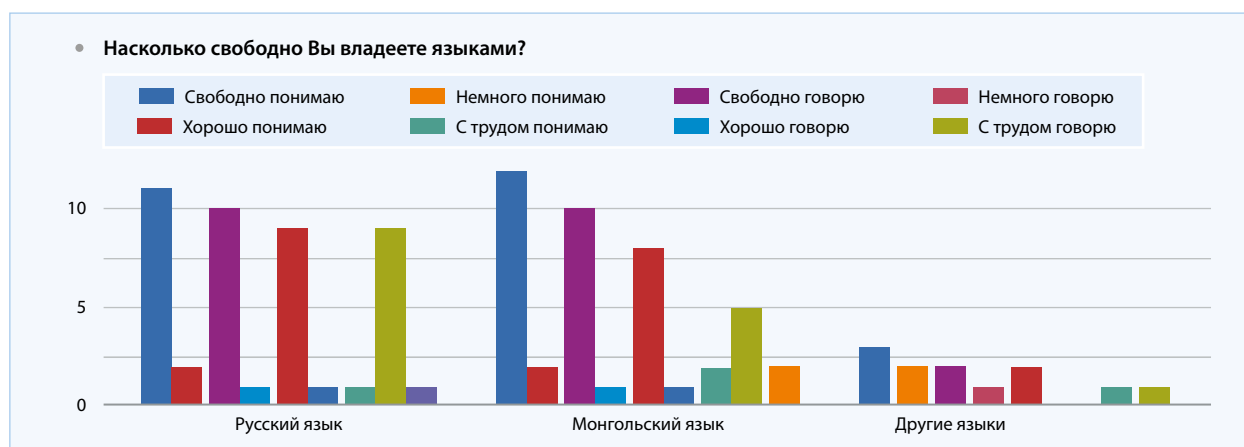
ся в бытовой сфере; 7% считают, что родной русский язык русские старожилы Монголии утратят со временем; 24% считают, что русский язык будет благополучно развиваться. 42% уверены, что русский язык в Монголии сохранится благодаря государственной языковой политике; 22% указали, что он сохранится благодаря усилиям молодёжи, языковым активистам, 15% — язык и культуру можно сохранить с помощью новых технологий, 14% — благодаря усилиям самой диаспоры, 7% — благодаря любви к Родине².

Сегодня русские старожилы Монголии двуязычны, большинство прекрасно владеет и русским, и монгольским языками, о чём свидетельствуют результаты опроса. В зависимости от коммуникативной ситуации русские старожилы Монголии свободно переключаются с русского на монгольский и наоборот (ил. 2).

Очевидно, что полная адаптация и естественная интеграция в монгольское общество произошли в 1960-х гг., когда сформировался контактный билингвизм. Русское старожильческое население Монголии к этому времени прекрасно овладело монгольским языком и активно использует его в повседневной общественной жизни. При этом русский язык сохраняется в семейном общении, является функционально первым для русских старожилов Монголии.

¹ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

² ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

Ил. 2. Владение языками русскими Монголии

Отметим, что уровень образования среди русских старожилых Монголии высок, и это определяет их языковой портрет. В общении доминирует литературная форма русского языка с лексической спецификой забайкальского говора. Фонетические особенности русского языка русских Монголии специфичны в плане фонетической интерференции со стороны монгольского языка. В третьем поколении наблюдаются матримонические отношения в браке с монголами, что тоже отражается на языковых предпочтениях молодёжи. Среди молодого поколения русских старожилых очевидны ассимиляционные процессы, интенсивный переход на монгольский язык. Сказывается влияние монгольского языка в основном и на уровне лексических заимствований.

Поскольку в жизни русской диаспоры Монголии в самом начале её формирования сильным оказалось влияние китайского субстрата, у многих отцы были китайского происхождения, до сих пор можно услышать элементы маймачинского говора, в основном в речи старшего поколения русских старожилых¹.

Тем не менее наличие в родословной «китайской крови» не стало для русских

старожилых Монголии поводом причислить себя к китайцам: материнская линия оказывается для них важнее (ил. 3). Как сообщают респонденты в устных рассказах, сами русские жёны способствовали ассимиляции китайцев, давали им русские имена и не позволяли говорить с детьми по-китайски². В современных выступлениях русских старожилых встречаются высказывания, подчёркивающие, что браки с китайцами и монголами незначительно повлияли на облик диаспоры — тем самым, вероятно, оспаривается мнение о недостаточной «русскости» русских старожилых Монголии, которое выражают некоторые сторонние наблюдатели [14, с. 5].

В ходе обследования выявились символические маркеры, определяющие идентичность русских старожилых Монголии: язык (93%), традиции, обычаи (43%), религия (11%), национальное самосознание (44%), роль и самочувствие этнической группы в структуре общества (29%)³.

Как видно, язык — один из важных маркеров этнической принадлежности русских старожилых Монголии. У русского старожильческого населения Монголии этническая самоидентификация и уровень языко-

¹ ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

² ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

³ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

Ил. 3. Семья Зеленецких, Дзун-Хара, 2024 г.

вой компетенции на родном языке практически полностью совпадают. Однако даже при невысокой компетенции на русском языке, особенно у молодёжи, родной язык выступает как этнический символ, сближает с народом. В этом случае языковой пробел в высоком уровне этнического самосознания компенсируется другими важными для них элементами этнической идентификации, среди которых общее историческое прошлое, национальные традиции, обычаи, религия и т.д.

То, что русский язык действительно является языком семейной сферы общения, функционально первым языком для многих, показал опрос: 36% отметили родной русский язык как язык повседневного общения; 29% указали русский язык как язык, на котором думают; 22% – как язык родителей; 22% указали русский язык как язык этнической группы, язык Родины (15%). Это говорит о том, что значимость России как Родины, страны исхода занимает важную позицию в идентичности группы.

О важной роли русского языка в этничности русской диаспоры Монголии свидетельствуют также ассоциации информан-

тов, связанные с русским языком: родной (72%), комфортный (36%), любимый (15%), домашний (22%)¹. В семейном общении русский язык функционально первый, межпоколенная передача присутствует.

Традиции, обычаи, религия. Обрядовая сторона жизни, праздники, связанные с русской культурой, занимают стабильную позицию среди маркеров этничности у русских Монголии и становятся инструментами популяризации культуры. Отметим, что многие формы русской культуры, пропагандируемые русскими старожилами Монголии, привлекают внимание не только самих носителей этой культуры, особенно молодёжь, но и представителей других культур, что расширяет функциональную базу русского языка. Культурный контекст тесно взаимосвязан с будущим языка, в первую очередь через культуру многие приобщаются и к языку.

Этническое самосознание взаимодействует не только с языковой, генетической, территориально-политической формами осознания этнической группы, но и с другими формами, прежде всего религиозной. По мнению учёных, религиозное сознание

¹ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

может полностью заслонить этническое самосознание. Этому во многом способствует тот факт, что религиозная принадлежность выступает в качестве одного из этнических признаков в тех случаях, когда для контактирующих народов характерны религиозные различия.

Как и другие этнические меньшинства, в ситуации контакта, русская старожильческая община в Монголии отделялась, чтобы сохранить свою религию, устремления к сохранению национальной принадлежности, считала, что этого нельзя достичь, если не придерживаться православной веры.

Православный Свято-Троицкий храм вновь появился в Улан-Баторе в 1990-х гг. благодаря деятельности русского старожильческого сообщества Монголии, объединившегося в ассоциацию «Общество советских граждан» на тот момент. Кроме воскресных служб в храме празднуют, прежде всего, Пасху, вспоминая о том, что раньше отмечали и другие праздники, к примеру Рождество и Троицу. Но жизнь в монгольском сообществе обусловила религиозный синкретизм местнорусских. По данным опросов, 50% информантов исповедуют православие; 28% — соблюдают обряды разных религий (православной и буддийской), 7% — придерживаются шаманизма, 15% затруднились ответить. Это проявляется в поклонении обо¹, посещении буддийских священных мест, праздновании монгольских праздников и выполнении защитных ритуалов.

В целом можно констатировать, что, несмотря на иноэтническую среду и десятилетия жизни при социализме, русские старожилы Монголии (ил. 4) не потеряли связи с православной культурой, которая для них ассоциируется с «русскостью». Буддизм и шаманизм монголов повлияли на их религиозные представления, но православие является ключевым маркером их этнической идентичности.

Ил. 4. Семья Караваевых, отец Григорий Караваев, дочь Наталья Караваева, Дзун-Хара, 2024 г.

Роль, место и самочувствие этнической группы в социальной структуре общества. В изучении исторической памяти русских старожил Монголии может быть применена оптика исследования субальтернов — сообществ, занимающих подчинённое положение в политической и культурной иерархии общества, чья память и идентичность систематически конструируются «извне», в то время как их собственная точка зрения о себе не репрезентируется в публичном пространстве [8, с. 184]. Такова была ситуация в советский период, когда история русских старожил Монголии была мифологизирована советской властью и существовала стигма «семёновцы». В связи с этим современные нарративы русских старожил (как устные, так и письменные) направлены на оспаривание «внешнего» дискурса о диаспоре. Говоря о своём прошлом, русские старожилы Монголии стремятся показать себя патриотами России, которые лишь в силу непреодолимых обстоятельств оказались за границей. Общим местом нарративов является от-

¹ Обо — культовые места в культуре тюрко-монгольских народов Центральной Азии. В традиционной форме представляют собой кучи из камней или дерева, украшенные ленточками и флажками.

рицание мифа о предателях-семёновцах, потомками которых они якобы являются.

Важным аргументом в спорах о «русскости» и патриотизме русских старожилов Монголии выступает память об их участии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Рассказывая о прошлом своих семей и собственной биографии, русские старожилы обращают внимание на факты дискриминации, безразличия к ним со стороны советской и российской власти. Из этих устойчивых мотивов складывается образ сообщества, члены которого ищут признания себя в качестве полноценных россиян, но по разным причинам оказываются за рамками господствующего дискурса о Русском мире и русском зарубежье. Этнокультурное самосознание русских старожилов Монголии формировалось в контексте противоречивых нарративов о её происхождении и истории. Современные исследования исторической памяти всё больше внимания уделяют таким случаям, когда образ прошлого становится предметом явной или скрытой дискуссии и инструментом формирования альтернативных моделей идентичности. В дискурсах о себе русских старожилов Монголии, как и в оценках самопрезентации, изначально заложено противостояние доминирующего (внешнего) и репрессированного (внутреннего) образа своего прошлого.

Этнический сюжет в исторической памяти русских старожилов Монголии «Кто мы?» проявляется в ответах информантов на вопрос «Кем Вы себя считаете?»: представителем своего народа (58%), представителем православного мира (11%), гражданином мира (10%), представителем другой национальности (7%), затруднились ответить (14%)¹. Как видно, значимость русскости для русских старожилов Монголии высока, при этом формируются и альтернативные модели идентичности. Среди тех, кто посчитал себя другой национальности

или затруднился ответить на вопрос, оказались представители молодого поколения из этнически смешанных семей. Очевидно, в этом проявляется стандартный механизм адаптации диаспоры, особенно в иноязычной и иноэтнической среде, когда в третьем поколении этнокультурные элементы постепенно угасают и замещаются элементами доминирующей группы.

Наличие коллективной травмы в историческом опыте народа, в частности связанной с дискриминацией, — ещё одна часто встречаемая этническая тема в коммеморативных практиках русских Монголии. В воспоминаниях о советском периоде частотны мотивы, связанные с дискриминацией русских старожилов Монголии. Один из ярких примеров, присутствующий у разных рассказчиков, — несправедливое отношение учителей в школе, которые занижали оценки детям русских старожилов. На вопрос «Чувствуете ли Вы в отношении себя дискриминацию по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности?» 67% информантов ответили утвердительно, 33% случаи дискриминации отрицали².

В конце XX в. постсоветские преобразования тоже находили отражение в нарративах русских старожилов Монголии об истории диаспоры, семейной истории и собственной биографии. Здесь отмечаются позитивные изменения, такие как возможность уехать в Россию, устроиться на работу в российское заграничное учреждение, открытие православного храма, но также нередко звучат мотивы обиды, отвержения, непризнания русской старожильческой диаспоры Монголии в качестве полноценной части Русского мира. Исследование показало, что 43% опрошенных информантов на перспективы развития русского старожильческого населения Монголии смотрят с тревогой, 36% считают, что ситуация стабильна, 22% затруднились ответить³. Рассказчики говорят о за-

¹ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

² ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

³ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

крытии русскоязычных школ и вынужденном переходе их детей в монголоязычное пространство, об отсутствии у русских старожилов Монголии ряда важных прав, что заставляет их принимать монгольское гражданство, о безразличии со стороны российской власти к их проблемам, о «недостаточно хорошо» священнике, отправленном из России в их храм и т.д.

Вывод

Русское старожильческое население Монголии конструирует образ диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств оказалось оторвано от своей родины — России, но всё время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Социальный и политический контексты напрямую отражаются в нарративах русских старожилов Монголии. Важная черта нарративов, которые воспроизводят сегодня русские старожилы, — протест против внешнего дискурса о диаспоре, с которым они не согласны. Рассказывая о своём прошлом, современные русские старожилы Монголии оспаривают те представления, которые были созданы о них во «внешнем мире», стремятся утвердить иную, собственную версию своей истории.

Наблюдается ассимилятивный процесс в языковой и этнокультурной специфике русских старожилов Монголии. Старшее поколение зачастую говорит только на русском, многие так и не интегрировались в монгольское общество. Поколение 50–60-летних русских старожилов Монголии является связующим звеном, прекрасно владея и русским, и монгольскими языками, обладая уже пограничным

типом идентичности. Молодёжь постепенно переходит на монгольский язык, либо уезжает в Россию. Очевидны два сценария развития русского старожильческого населения Монголии: постепенная ассимиляция, переход на языковые и этнокультурные практики доминирующего сообщества либо переезд в Россию. Русские Монголии, вернувшиеся на историческую родину в 1990-е гг., проживают в настоящее время в различных регионах России, как близких к Монголии (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край), так и значительно удалённых от неё.

Тем не менее предварительные наблюдения показывают, что современное сообщество русских старожилов Монголии сохраняет определённую гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи некоторых внутрисемейных и общинных традиций. У них присутствует осознание важности сохранения этнокультурной и языковой специфики, степень которой зависит от внутренней сплочённости группы. Более благоприятные, стабильные условия жизни способствуют устойчивости этноязыкового самосознания и сплочению этнической группы. Ассимилятивный процесс свидетельствует об ослаблении внутренней сплочённости этнической группы, усилении адаптации, влиянии доминирующего языка, культуры, сообщества. Существование диаспоры, её языка возможно до тех пор, пока поддерживается этническое самосознание, являющееся организующей, важной для этнической группы составляющей, которая определяет дальнейшее существование и развитие диаспоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками. Печатано по высочайшему повелению, иждивением казны. Переезд до Пекина. Санкт-Петербург: в Типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824, 1824.
2. Свечников А.П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1912.

3. Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отд., 1921.
4. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994.
5. Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008.
6. Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015.
7. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – нач. XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003.
8. Михалёв А.В. Политический статус местнорусского населения Монголии (1966–2000 гг.) // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 8. С. 180–185.
9. Михалев А.В. Создавая врага: «местнорусские» в Монголии // Обозреватель – Observer. 2015. № 9 (308). С. 105–119.
10. Сундуева Д.Б. Нарративная история и «жизненный мир» русской общины Монголии // Дискуссия. 2014. № 10 (51). С. 101–112.
11. Память... В честь 65-летнего юбилея победы в Великой Отечественной войне. Улан-Батор: [б. и.], 2010.
12. Маслов А.И. Русские в Монголии. Улан-Батор: Мөнхийн Үсэг групп ХХК, 2009.
13. Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. 71. № 3. Pp. 691–710.
14. Матвеев Л.М. Русская колония в Монголии // Ургинские ведомости. 2007. № 10–11. С. 5–10.

Russian Old-Timers in Mongolia: Identity, Language, Culture

Aisa Nikolaevna Bitkeeva — Doctor of Philology, head of the Scientific Research Center for National Language Relations at the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, leading researcher at the Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences.

E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Russian old-timers in Mongolia are a diasporic group of Russians that resulted from three waves of migration to Mongolia in the mid-19th and early 20th centuries. This determined the heterogeneous social and ethnic structure of the diaspora. Considering that Mongolia was included in the Chinese civilization space for more than two centuries (until 1911), the Russians who moved there in mid-19th and early 20th centuries communicated with Mongols, as well as Chinese, engaging in trade, agriculture and handicrafts. The ethnogenesis and linguistic image of the Russian old-timers in Mongolia includes the Chinese aspect in addition to the Mongolian, which is reflected in their linguistic and ethnic and cultural characteristics. A comprehensive study of these aspects reveals the diasporic adaptation strategies in a non-ethnic environment; hence, the author is able to present a new theoretical approach to the study of diasporas, changes in their ethnic and cultural and ethnic and linguistic attitudes. The relevance of the research is determined primarily by the low availability of materials on the culture and language of the Russian old-timers in Mongolia.

The article examines the linguistic image of the Russian old-timers in Mongolia in close connection with the subjects of their historical memory, analyzes the factors of vitality of the Russian diaspora in Mongolia, and focuses on specific features of the ethnic group's memory policy. Russian old-timers in Mongolia have a peculiar historical memory which reflects the stages of development of the diaspora, its ethnic and cultural context and self-identification. This is especially visible in the narratives of modern Russian old-timers in Mongolia.

The article presents the material of a field study of the Russian old-timers in Mongolia conducted in 2023 and 2024 in Ulaanbaatar, Darkhan and Dzun-Khar in Mongolia.

Russian old-timers in Mongolia construct the image of the diaspora as a community that by force insurmountable circumstances was torn away from its homeland, Russia, but remained faithful to it at all times, despite rejection and discrimination. The pronounced "Russianness"

in the identity of the Russian old-timers in Mongolia determines their vitality, homogeneity and internal connections within the ethnic group, which allows to preserve and pass family and community traditions.

Keywords: Russian old-timers, Mongolia, identity, Russian language, policy of memory

REFERENCES

1. Timkovskii E.F. Puteshestvie v Kitai chrez Mongoliyu, v 1820 i 1821 godakh: S kartoyu, chertezhami i risunkami. Pечатано по высочайшему повелению, изданием казны. Pereezd do Pekina. Sankt-Peterburg: v Tipografii Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del, 1824 (in Russian).
2. Svechnikov A.P. Russkie v Mongolii: nablyudeniya i vyvody. SPb.: Tipo-lit. «Energiya», 1912 (in Russian).
3. Maiskii I.M. Sovremennaya Mongoliya. Irkutsk: Gos. izd-vo, Irkutsk. otd., 1921 (in Russian).
4. Darevskaya E.M. Sibir' i Mongoliya: Ocherki russko-mongol'skikh svyazei v kontse XIX – nachale XX v. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1994 (in Russian).
5. Edinarkhova N.E. Russkoe konsul'stvo v Urge i Ya.P. Shishmarev. Irkutsk: Reprotsentr A1, 2008 (in Russian).
6. Edinarkhova N.E. Kyakhta i kyakhtinskaya trgovlya (40–60-e gg. XIX v.). Irkutsk: Ottisk, 2015 (in Russian).
7. Startsev A.V. Russkaya trgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nach. XX v.). Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2003 (in Russian).
8. Mikhalyov A.V. Politicheskii status mestnorusskogo naseleniya Mongolii (1966–2000 gg.) // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. 2011. № 8. S. 180–185 (in Russian).
9. Mikhalev A.V. Sozdavaya vraga: «mestnorusskie» v Mongolii // Obozrevatel' – Observer. 2015. № 9 (308). S. 105–119 (in Russian).
10. Sundueva D.B. Narrativnaya istoriya i «zhiznennyi mir» russkoi obshchiny Mongolii // Diskussiya. 2014. № 10 (51). S. 101–112 (in Russian).
11. Pamyat'... V chest' 65-letnego yubileya pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. Ulan-Bator: [b. i.], 2010 (in Russian).
12. Maslov A.I. Russkie v Mongolii. Ulan-Bator: Menkhiin Yseg grupp XXK, 2009 (in Russian).
13. Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. 71. № 3. Pp. 691–710 (in Russian).
14. Matveev L.M. Russkaya koloniya v Mongolii // Urginskije vedomosti. 2007. № 10–11. S. 5–10 (in Russian).